

В поисках «своего» старца

«Стоит познакомиться с найденным среди эмигрантской прессы, новым для русского читателя романом о событиях вокруг 1917 года княгини Веры Лобановой-Ростовской. Он написан в русле «толстовской традиции», предлагая хронику одного семейства и обширную историческую панораму, касаясь политики и быта разных сословий. Роман пропитан религиозностью автора, вера мотивирует её действия»

Никита Лобанов-Ростовский

Впервые на русском языке продолжаем публикацию фрагментов документального романа-эпопеи «О РОССИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ XX ВЕКА. ДО И ПОСЛЕ 1917 ГОДА: ВОСПОМИНАНИЯ МАТЕРИ (1903–1919)», написанного княгиней Верой Дмитриевной Лобановой-Ростовской (1870–1943)

Духовные поиски и впечатления бытия княгини структурно укладываются ею в жанр путевых записок, излюбленный русской прозой ещё с конца XVIII века, как, например, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина (1792 г.). В её неторопливой прозе, на «поверхности» производящей впечатление бытописательского романа, зашифрованы сложные художественные приёмы. Мы обнаруживаем связь с жанром «хождений», то есть паломничеств к святым местам, который известен в древнерусской литературе с XII в. Дневниковые записи, на которые опиралась Вера Дмитриевна, строго запечатляющие события «по горячим следам», в детализированной подробности, как нельзя более соответствуют этому симбиозу духовных и светских путешествий. Есть и третий, символический смысл жанра, коррелирующий с главной идеей романа. «Россия колышется», — говорит одна из героинь романа. Всё постепенно приходит в движение, и со временем в романе это движение станет растерянным, хаотичным, в конечном итоге превращаясь для героев в бегство, вынужденный исход из родных пределов. (Сравним с романом М.А. Булгакова о белоэмигрантах «Бег»).

Пока же мы видим первые предгрозовые сполохи, первый круг испытаний – личное смятение героини. Пережив смерть сына, её душа – в мучительном странствии, в поиске мира с самой собой. За этим она отправляется к старцам – душа её жаждет их помощи. Опекать старцев – так же и семейная традиция князей Лобановых-Ростовских.

Старчество на Руси – важная часть русской традиционной культуры, духовное руководство иноками и мирянами, совершаемое особыми священниками-монахами, обладавшими духовным даром направлять людей, а часто и даром прозорливости. Старцы помогали беседами и советами, облегчая людские скорби, поддерживая на пути к избавлению от бедствий и заблуждений¹. Практика духовного наставничества старцев в России продолжалась весь XIX век, и первые два десятилетия XX века, новая власть стремилась истребить её, разоряя монастыри, преследуя старцев и тех, кто к ним обращался. Но не смогла уничтожить ее. Верующие люди и в советское время продолжали искать духовного руководства у старцев, и по сей день не прерывается традиция старчества.

¹ Чтобы подробнее узнать о старчестве, обращаем читателя к книге: «Старчество на Руси». Монахиня Игнатия (Петровская), М., 1999.

Но и в те времена, когда ещё эта беда не грозила России, старческое руководство было очень редким явлением. Ибо *omnia graecis* гага по латинской поговорке, «всё прекрасное редко» на грешной земле. Даже и при большой потребности найти «своего» старца – обретение его было редкой удачей. В символическом «странствии» души, которое живет внутри жанра «путешествия», избранного Верой Дмитриевной, героиня находит цель этого постоянного движения – утешение духовным словом. «Её» старец – это преподобный Варсонофий Оптинский. Нет нужды и говорить, сколь драгоценны её свидетельства о беседах старца. Ведь за столетие новая власть усердно постаралась стереть память о такого рода явлениях русской духовной жизни. Не все из старческих наставлений княгине было позволено раскрыть, но тем, что позволено – она щедро делится с читателем.

Публикатор – Н. Д. Лобанов-Ростовский; примечания Л. Г. Умновой и Е.С. Фёдоровой. Здесь предлагаются извлечения из глав №№ 3–6.



Екатерина Фёдорова

Вера Дмитриевна Лобанова-Ростовская. София

Часть 3. «Докатилось»

Глава 3. Ещё дома

Наступили крестины. Кирилл¹ получил в благословение от Великой Княгини Елисаветы Фёдоровны образ Ангела Хранителя, а от княгини Сухоруковой – специально ею заказанный образ Козельской Божьей Матери. И опять она была так серьёзна и многозначительна, когда, благословив им новорожденного, передала мне образ и просила, чтобы Кирилл не расставался с ним во всю свою жизнь, и чтобы я записала всё, сказанное ею.

«Россия колышется»

Вечером в тот же день мы с Машей стали обсуждать со всех сторон слова крёстной матери Кирилла о том, что будущее двух последних моих сыновей, как тогда я это понимала, будет связано с особыми судьбами их Родины.

— Как всё это странно, Маша!

— Судьба России, Ваше Сиятельство, как хранительницы Православия и родины сонма святых, по свидетельству старцев, совершенно особенная: не даром она называется в народе: «Святою Русью». А вместе с тем мы знаем, что стала она себя вести чуть ли не хуже прочих стран.

«Кого люблю, того и бью»; любимое дитя больше наказуется. Мы не знаем, что готовится в самой России, но так продолжаться не может: то, что я вынесла в Рукавишниково, пока вы отсиживались в Петербурге, когда в Москве шла революция и бунт, когда адмирал Дубасов² укрощал взбесившихся – я никогда не забуду. Я вас пугать не хотела и не рассказывала, а теперь, как это время миновало, то не страшно вам будет об этом и знать.

Сидим мы глубокой осенью дома, ни живы, ни мертвы: не то нас подпалят, не то выгонят и добро разграбят. Верных людей стало меньше. Как Семён-казак ушёл на войну с Японией, Феня с горя уехала в Петербург. Лакей у нас, сами знаете – молодой. Только в доме и людей степенных, что Аннушка, повар Прокофий да прачка Фёкла. И сидим мы этак вместе, бывало, после нашего ужина, а Прасковье Васильевне ничего про наши страхи не говорим.

Как-то вечером нам было особенно жутко, и действительно, на другой день утром пришли к нам выборные – человек пять от крестьян. Мы, как ни в чём не бывало, приняли их честь честью. Уса-

¹ Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский (1907–1948), отец Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского.

² Адмирал Фёдор Васильевич Дубасов (1845–1912) 5 декабря 1905 г. был назначен генерал-губернатором Москвы и руководил подавлением Декабрьского вооружённого восстания. С июля 1906 г. член Государственного совета. Неоднократно подвергался покушениям террористов. В декабре 1906 г. был ранен во время очередного покушения.



Федор Васильевич Дубасов

дили в буфетной и стали угощать, а старший и говорит нам: «Спасибо за хлеб, за соль, а только общество прислало нас, чтобы посоветоваться: приходили к нам люди из Москвы, говорят – приказал Царь-батюшка христианам, чтобы порешили они всех господ и всё их добро меж собой поделили; и будет он тогда христианским Царём и настанет счастье в России. А как от князя с княгиней мы окромя добра ничего не видели, то пусть они сами себе смертушку выберут: водой ли, огнём ли, просто ли их удавить, чтобы скорей было – это как им будет угодно».

— Я слушаю, ушам своим не верю. Говорит он всё это без сердца и без зверства, и не в азарте.

— А что князь был ли к вам добр?

— А как не добр: и травую, и лесом помогал.

— Так как же, – говорю, – порешить их, ведь это грех!

— Грех-то грех, матушка, а только они поцарствовали, а теперь и наша пора вышла. Вспомнил о нас Царь-батюшка и послал своих людей по всему народу рассейскому.

— Да так ли? Ведь вот же, кажется, от Царя в Москве адмирал Дубасов с бунтарями бьётся. Не подождать ли, что будет? Не вышло бы ошибки! Вот если народ побьёт адмирала Дубасова в Москве, тогда приходите к нам, будем о деле говорить. А пока передайте мой совет в деревню, чтобы сидели смирно, а то как бы хуже не вышло.

— И то правда твоя, матушка, сер народ, что и говорить! И вправду так лучше, и на сердце легче. Пойдём, братцы, что ль!

— Проводили мы их, помолились Богу, что пронёс Господь беду, да и думаем: как и впрямь сер народ Российский, что с ним водка да беспутство сделали! Ведь всего от Рукавишниково до железной дороги двадцать пять вёрст. И такая дикость!.. А что делается там, где и совсем железных дорог нет? Да, была Святая Россия, а теперь во грехе лежит. Старцы одно твердят: «Быть беде, если не покаяться». Думается мне, что после пожарища каждый хозяин рад, если ему на новую печь кирпичину принести. Вот, если бы студенты вместо того, чтобы Царя да своих родителей огорчать, каждый по кирпичику бы принёс, чтобы подпорку для отечества строить, то было бы лучше, чем народ подбивать господ резать, да с царским адмиралом драться. Вот и разумею я, что слов Царицы Небесной теперь нам не понять, а когда дети ваши вырастут, то увидим мы, что ещё будет с нашей Россией. Одно скажу, когда с нами в буфетной сидели мужики, то я чувствовала, как будто Россия колышется, и как ей от этого легко упасть и разбиться...

Рассказ кучера Григория

Ласковый весенний воздух убаюкивал нас, и мы притихли. Вспомнилось, как за два года перед этим, в такой же чудный весенний день, после сильной грозы и паводка, пришлось мне ехать на лошадях из деревни в город почти шагом; но вот постромка заскочила за ногу лошади, при разбеге на сухую горку, и Григорий, соскочив с козел, стал помогать лошади.

— Ты бы с козел поправлял, Григорий, ведь это пустое...

— Сколько жив буду, Ваше Сиятельство, а после того случая с козел поправлять не смогу.

— После какого случая, Григорий?

— Да со мной было в ту пору, когда я в солдатах служил.

— Шагом поедем, ты и расскажешь мне. Ведь ты, Григорий, у нас, слава Богу, давно живёшь, а я и не знаю, что с тобой было.

— Извольте, Ваше Сиятельство, расскажу, как с изволока съеду, да кони опять шагом пойдут.

Мне показалось, что у него появилась непреодолимая потребность излить душу, а потому я и помогла ему в этом.

— Ну вот, я тебя слушаю, Григорий! – сказала я через несколько минут.

— Было это уже давно, – начал, садясь в полуоборот, Григорий, – лет двадцать тому назад. Вытянул я жребий, чтобы идти мне в солдаты¹; попрощался я тут с батюшкой и матушкой, да с молодой женою, и погнали это нас всех далеко-далеко – на самую польскую границу, и начали обучать всякой строевой службе. Я сызмальства любил ходить за скотиною и за конями, был и грамотный, но ружья и охоты терпеть не мог. Вот бились со мной, бились, а толку никакого.

— Тюлень ты необразованный, – говорит мне фитфебель², Сидор Карпыч, – что мне с тобою делать? Куда ты годен? На параде осрамишь. Да ты что знаешь? Говори толком.

Я тут набрался храбрости, да и доложил, что знал. А Сидор Карпыч, хоть и прикидывался строгим и кого когда и ткнёт для порядка, а был добрейшей души человек, и когда я ему всё высказал, то он и обрадовался.

— Что же ты молчал, чудак человек; командир давно кучера ищет. Я о тебе доложу, а потом мы тебя и предоставим. Хоть от сердца отлегло – на тебя больше смотреть не стану.

Так всё и вышло. Пошла у меня жизнь совсем другая. Делов было, правда, много, но и копейка перепадала от командира. Он меня жалел и берёт, потому я своё дело знал. Тут отписали мне из деревни, что у меня сынок родился, а я к тому времени скопил двадцать пять рублей и послал жене. Что и радости-то было! А в ту весну у нас назначен был высочайший смотр, и ожидали покойного Государя Императора, Его Величество Александра Третьего. Вот и пошла у нас работа. А по правде сказать – только учёных учить, да чистое чистить, потому у нашего полкового командира, полковника Белопольского, все по нитке ходили. Он хоть и был отец, но строго взыскивал. Назначили и место высочайшего смотра, в трёх верстах от нашей стоянки. Вышел приказ от бригадного командира, чтобы к десяти часам всем быть на местах, потому в начале одиннадцатого ждали генералов: дивизионного и корпусного, а затем и Его Величество с какими-то гостями. Я подал тройку к девяти часам, а верховую давно к месту повели. Но вижу, все за приказами идут и идут к полковнику. Наконец, он еле высвободился, бегом с лестницы спустился, на часы посмотрел, да и ахнул:

– Ну, Григорий, не выдавай, четверть часа осталось: потрафишь – не пожалеешь, кони ведь добрые.

– Доберёмся, Ваше Высокородие, – я ему отвечаю, – ведь тут одно и есть место не того – спуск да горка, а то всё ничего. Бог поможет – не впервой.

Вестовой положил чемодан с переменным обмундированием, я и тронулся. Лихо неслись кони, вот и рукой подать до места, видно, солдатики ровняются, шеренги белеют, слышим, как бы музыку настраивают. Придержал я тут коней под горку, а потом пустил вовсю – наизволок³. Вдруг левая пристяжка возьми, да и закинь ногою за постромку. Где уж тут слезать: я нагнулся, да и стал высвобождать ей ногу, а она, чтобы помочь, – да как лягнёт, да так ловко, прямо мне в зубы! Помутилось у меня тут в голове, но постромку, Бог дал, не выпустил. А во рту-то у меня каша-кашею. Я как сплюнул – на дорогу-то и повалилось два зуба, да и пол-языка, значит – сам прикусил.

– Григорий! – слышу, полковник окликает. – Аль ты на печи сидишь да лапти плетёшь? О чём думаешь? Пошёл, пошёл!

«Царица Небесная, – думаю, – вызволи, Матушка, ведь к Царю земному катим, пожалей, Родимая, моего полковника, чтобы ему в ответе не быть».

Подобрал я тут вожжи, перекрестился и пустил лошадей, как никогда не пускал. «Боюсь – думаю – как бы на меня туман не нашёл» ...

Бог помог: довёз, но всю грудь заплёвал алой кровью, а что дальше было – не помню. Очнулся я в походной палатке, солдаты тут, а доктор и говорит фершалу⁴:

— Кабы половину языка иметь, то можно бы пришить, и был бы человек человеком, а так немой будет.

Я поманул рукою санитаря, да показываю ему, что хочу писать. Подсунул он мне тут книжку с

¹ В Российской империи призыву подлежали мужчины, которым исполнилось 20 лет. Количество призывников превышало потребности армии, и все, кто не подлежащие освобождению, тянули жребий. Тот, кому выпал жребий (цифра: один к пяти) шел служить. Другие зачислялись в ополчение, их могли призвать в военное время.

² *Фельдфебель* – один из нижних чинов в армии.

³ *Наизволок* – чуть в горку, по некрутому подъему.

⁴ *Фельдшеру*.

бумажкою, да карандаш. Трудно мне было, а написал я всё же, хоть и долго выводил: «Язык на дороге: на срьд изволока¹, пошлите искать».

Тут, на моё счастье, вошёл мой полковник, такой довольный – видно, смотр хорошо прошёл.

– Здравствуйте, – говорит, – господа, я пред высочайшим завтраком пришёл маво Григория проведать, что с ним, пришёл он в себя?

Ему: «Так и так», всё и доложили. Как всплеснёт он руками!

– Боже милосердный, а я его ещё ругал! Двести рублей от меня, кто его язык отыщет. Тут он место точно обозначил, где и искать его. Поскакали люди, через полчаса и язык, и зубы предоставили. Засмеялся доктор, да и говорит:

– Зубья не пришьёшь, они на память останутся, а язык в лучшем виде притачаем. Нашлёпнул он мне какое-то сито на голову, стало мне тяжело дышать, а и без того всю голову разломило. Ударило меня в дремоту, на этом я и заснул. Проснулся я уже без сита, но как лошадь взнуздан, прости Господи. А язык мой, сдаётся мне – уже не мой, а точно коровий пришит... и всё во рту распухло. Неделю так промучился, как никому не дай Бог изведать: врагу не пожелаю. Отрада моя был мой полковник: каждый день по два-три раза заходил, жену и дочек присылал. Через неделю мне поснимали швы, и стало день ото дня легчать. Начал я тут учиться говорить, как дитя малое, а как шесть недель вышло, то и совсем выправился, за дело взялся. А мой полковник меня наградил: с того дня жена новую избу справила, корову купила, и стал я с той поры человеком.

Вот какими путями Господь нас грешных и наказует и милует, чтобы мы на Него одного надеялись и Им бы одним по правде жили, – закончил Григорий свой рассказ и стал понукать лошадей...

Глава 4. Поездка в Троице-Сергиеву Лавру

На пути в Троице-Сергиеву Лавру

Прошёл ещё год; наступило лето 1908 года... Я надумала найти время и съездить в Троице-Сергиеву Лавру², где ни разу ещё не была, и куда слабеющий дух мой очень стремился. Надеялась у преподобного Сергия вымолить себе старца-руководителя, для противоборства с гнетущими меня в миру немощами...

Итак, я отправилась на следующий день, утром, на Ярославский вокзал. Этот, свободный у меня, день был праздничным. Расписание поездов оказалось несколько иным, чем будничное, указанное в газетах, и мне, таким образом, предстояло ожидать очередного поезда около полутора часов. В досаде на себя, я решила сократить время, вздремнув на диване в дамской комнате³. Меня встретила дежурная женщина:

– Здравствуйте, сударыня; рано Вы, матушка, пожаловали. Часика полтора погодить ведь надо будет, вот здесь присядьте поудобнее; не к Преподобному ли едете?

– Как же, милая, туда я и путь держу.

– Святое дело надумали, сударыня матушка, вот уберу в соседнем-то отделении, да и приду с Вами-то посидеть.

Эта очень приветливая, симпатичная женщина средних лет говорила с тем чудным акцентом, с каким говорит народ только в Москве. Для меня это бесподобная музыка, и я сразу же утешилась как звуком её голоса, так и милым выражением лица и стала поджидать её. Вскоре она появилась уже с вязанием в руках и села работать у окна.

– Не стеснит Вас, сударыня, подать моё заздравное поминание за молебном Святому⁴?

– С удовольствием, пожалуйста.

Женщина оставила на минуту работу, достала чистый платок с завёрнутою в нём записочкой и двадцать копеек серебром.

¹ *Извол* – отлогая возвышенность; некрутой длинный подъем.

² Прославленная *Свято-Троицкая обитель* основана прп. *Сергием Радонежским* в 1337 г. На протяжении столетий Троице-Сергиева Лавра является одной из самых почитаемых общерусских святынь, оплотом защиты Православия, крупнейшим центром духовного просвещения и культуры, излюбленным местом паломничества русских людей. В Троицком соборе Лавры почивают святые мощи Игумена земли Русской прп. Сергия Радонежского.

³ *Дамская комната* – зал ожидания, комната для женщин на вокзале.

⁴ Подать записку за здравие святому Сергию Радонежскому в Лавре.

– Вот, матушка, если милость Ваша будет. Я всё поджидала, кому бы передать, а тут и Вы пришли: я и надумала попросить. Ведь сегодня ровно год, как мой сын поднялся от одра смертного по молитвам Преподобного.

На грустные глаза женщины навернулись слёзы.

– Почему Вы огорчаетесь, голубушка? Ведь у Вас всё кончилось не к смерти, а к жизни, а лицо Ваше такое скорбное да печальное.

– Сударыня, откуда мне радости набраться? Сами рассудите, осталась я вдовой на двадцать седьмом году с мальчиком Петей на руках, – начала она свой рассказ, – ему шёл девятый годок. Мальчик он был умный да шустрый, уже год, как в школу ходил. Писать и читать умел. Все деньги, что были, я на мужа пролечила (он с полгода лежал больной), да протратила на похороны. Покойник муж был хорошим мастером и работал в железнодорожных мастерских. Пожалело меня начальство, дали мне должность при дамской комнате состоять, да втроем с другими женщинами сменяться; оставили мальчика в школе бесплатно, да положили мне до его совершенных лет по три рубля пенсионера в месяц. Вот так-то, кое-как, я и перебивалась.

Трудно мне было – и квартиру нанять, и мальчика обувать и одевать, а всё думаю – уж больно мальчик-то хорош, да умён: теперь, пока молода, потружусь, а вырастет – он меня кормить будет. Много я работала: то здесь дежурю, а то на подённую пойду по стиркам. До шести гривен в день выработывала, а вернусь домой – уж силушек нет, а мой Петя всё приготовил. Я варила щи да кашу всегда на два дня, так он всё в печь поставит, разогреет, уголья для самовара сгребёт да припасёт, лучину наутро для разжигки¹ наколет, комнату заметёт, в лавочку за хлебом сбегает. Просто клад, а не мальчик. Вот так и рос он, школу кончил первым учеником, да с отличием. Пошла я тут к нашему начальству, да и прошу – как Петя мой так умён, – чтобы приняли его в техническую школу, а оттуда, известно, дорога широкая. Станет он, думаю, машинистом да на курьерских поездах ездить, тогда и сто пятьдесят рублей в месяц жалованья получать будет. А начальник-то у нас был, Царство ему Небесное, не человек, а ангел. Исхлопотал он, чтобы приняли моего Петю: как он такой способный и первым кончил. Пошли мы тут с Петей пред учением к обедне помолиться и отслужили молебен преподобному Сергию. Ему, как Вы, верно, знаете, сударыня, грамота не далась сразу, вот и стал он, Батюшка, другим помогать, как святой старец ему самому помог². Всё это я рассказываю, твержу Пете, да и говорю ему:

– Смотри, мой родимый, мы с тобой сироты, окромя Небесного Отца, Владычицы Пресвятой, да Угодников Божьих – нет у нас никого боле. Смотри же, не отступай от них никогда.

– Что Вы, маменька, – говорит, – с чего Вы это взяли? Да у меня и в школе урок Закона Божьего за самый любимый шёл. Что это Вам в голову, маменька, пришло?

– Смотри же, сынок, – говорю, – вручаю тебя Преподобному Сергию, да будет Он твоим заступником и покровителем.

После молебна, тут же, и благословила я его на новое учение образком Преподобного. Проходит год, два – стал мой Петя меняться: и в церковь не дозовусь пойти, и ласки ко мне нет прежней, и к дому остывать стал. Однако, учился хорошо и опять первым сделался. Наконец, и школу первым кончил, и экзамен так сдал, что сразу место машиниста на товарный³ получил и восемьдесят рублей жалованья в месяц. Да обещали ещё и до курьерского его довести. Я и напомнила Пете, что надо бы молебен Святому отслужить, да поблагодарить за милость его великую и дивную сироте одинокой.

– Да что Вы, маменька, – говорит, – и впрямь по-детски рассуждаете! Старался-то да учился-то всё же я: при чём же тут Преподобный? Сам я себе обязан, своему прилежанию, да рвению! Не пойду я сам же себя обманывать, да товарищей смешить. За что буду я Святого благодарить, коли сам я учился и кончил?

¹ Разжигка (разговорн.) разжигание.

² Из Жития прп. Сергия Радонежского известно, что в детстве ему не давалась грамота. Однажды отроку Варфоломею (имя, данное прп. Сергию при Крещении) явился святой старец, по молитвам которого мальчику было дано знание грамоты. Родителям отрока святой старец сказал: «Сын ваш будет обителью Святой Троицы и многих приведет вслед за собой к пониманию Божественных заповедей». См.: Прп. Епифаний Премудрый. Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца. Гл. 3.

³ Товарный (не пассажирский) поезд. Курьерский – пассажирский поезд, идущий с большой скоростью. Машинист паровоза был важной должностью, его жалование превышало все остальные должности. Особенно престижным было водить курьерские поезда.

– Опомнись, сынок, – отвечаю, – да всё учение-то от Бога. От Него же и рвение, и способности. Преподобный по Божьему соизволению настроил тебя на учение и просил Господа дать тебе здоровья и сил. Его ль не благодарить? Седин моих побойся – такое говорить!

– Э, маменька, Вы у меня хорошая, но старозаветная, теперь такие не в моде, – говорит.

– Что ж, сынок, – отвечаю, – и Бог скоро будет не в моде?

– Да Бога-то вовсе и нет, маменька, а выдумали Его попы да начальство, чтобы дураков в страхе да на узде держать, но я ведь не дурак: что ж я-то полезу из себя дурака строить!

Стала я тут страшиться и говорить с ним, чтобы не наводить его на лишний грех, так как сама вижу, что день ото дня и что дальше, то больше, – каменеет он сердцем. А начальство им довольно, обещает скоро и пассажирский¹ дать. Всего чуть и поездил он на товарном, как дали ему повышение.

– Ну, маменька, скоро я этак и на курьерский попаду, уж очень меня начальство одобряет. Мы с тобой тогда так заживём, что про наши мытарства и забудем.

– Не забуду я никогда, сынок, хоть в бедности – да вместе в церковь ходили и были счастливы. А теперь я и на подённую не хожу, и в дамской не дежурю, а спокойствия не имею. Тебя нет, а я и места себе не найду: всё чудится – вот-вот что случится, Бог и Преподобный накажут за неверие...

Наконец, дали Пете и курьерский: сто пятьдесят рублей жалованья, повёрстные да наградные². Как господа могли мы тут жить! Назавтра ему в первый раз с курьерским выезжать, а, примерно, сегодня, говорю себе: будь что будет, да и пристала я к нему: «Уважь, сынок, мать: хоть сегодня пойдём Святому молебен отслужим». А он как взбеленится:

– Да что Вы, маменька, пристали! Я Вас и так уважаю. Вы как хозяйка у меня всем правите. Я не то, что другие-прочие... А уже в своём деле – я сам себе голова. Мне не десять лет, и я сказкам, мол, больше не верю.

– Ну, сынок Петенька, в последний раз тебя звала, а там – да будет воля Божья, не напрасно моё материнское сердце всё ноет...

Ничего он тут не ответил, а только как будто побледнел, цыгарку закурил, шапку взял, да и вышел. Вечером, наконец, оделся он в путь. Издали только он мне крикнул: «Прощайте, маменька, пожелайте мне успеха!»

Не привёл меня Господь и благословить-то его даже. Осталась я одна, ноет моё сердце. На молитву стану – молитвы нет, лягу – глаз сомкнуть не могу. Так я и промаялась всю ноченьку... Под утро чуть задремала, – слышу стук в дверь. Знать, неладное – так я и обмерла.

– Что надоть? – говорю... Слышу соседкин голос, молодого кондуктора жена говорит:

– Так что, мать, не пугайся вперёд, а только телеграмма была – крушение с курьерским. Мой-то с твоим Петром Ивановичем вместе выехали...

И пошла я с того часа, сударыня, со ступеньки на ступеньку горе горькое мыкать. Её- то мужа целёшенького привезли, а моего-то Петю под откосом нашли. На черепе огромнейшая рана, думали – помер на месте. Хоть и суд был, и кого-то виноватого нашли, что паровоз на гружёный вагон наскочил, да в том-то что пользы? – Мой Петя остался калекой. Все думали, что он помрёт, и дохтур не думал, что выживет. Но не отнял Господь у него жизни, но способности свои и быстроту он потерял, да и сметка не та. Только и может он теперь – что писать, да и то не труднее табелей. Всё потерял, чему в техническом обучался. За что не поблагодарил, то и отнято у него. Взяло его начальство уже, по доброте своей, в писцы за двадцать пять рублей в месяц, а я вот опять в дамской дежурю. Сегодня ровно год, как мой Петя выписался из больницы и сам пожелал съездить к преподобному Сергию. Ему он служил благодарственный молебен за исцеление. А потом он каялся мне, что как в больнице лежал, то всё понял, за что пострадал. И обещался, если выздоровеет, то к преподобному съездит. Вот и воздвиг его от одра святой угодник и научил его, хоть дорогою ценою, что на небе есть Господь Бог, а на земле – Его неблагодарные дети. Вот так-то и живу теперь, сударыня. А Вам я желаю великой милости от Господа и от преподобного отца нашего Сергия. Да поможет Вам и он в Вашем деле.

Она замолкла. Дамская стала наполняться женщинами и детьми. Вскоре вошёл оповещающий и громогласно отрапортовал о поезде.

¹ Т.е. сделать машинистом пассажирского, а не товарного поезда.

² *Поверстные* – жалование в соответствии с количеством проделанных верст (верста чуть более километра 1066, 781 м.), наградные – премиальные.



Перед Трапезной палатой. Съезд монахов в Троице-Сергиевой Лавре в 1909 году

В Лавре. Поиски «своего» старца

Всё время пути до Сергиева посада, который длится около двух часов, я была под впечатлением этого рассказа. Вера моя в Преподобного всё пламенела, и я ехала к нему с великим упованием. Наконец, в половине двенадцатого, мы прибыли в посад. Я поспешила в храм и застала ещё конец обедни, после которой служили подряд заказные молебны Преподобному: тут и я подала вручённую мне записку. Впечатление дивной старины и воспоминания о необыкновенной истории лавры охватили меня. Передо мною пронеслись картины того, кем был, в своё время, преподобный, в какое лихолетье он жил; как сумел поднять дух обращающихся к нему и как руководил людьми из лесных дебрей, только силою своей веры в Бога и силой любви к Родине. Реяли мысли, неслись и молитвы. Преподобный отче Сергие, помоги мне, поддержи меня! Пошли мне старца и хоть одну семью, с которой я могла бы разговаривать одним языком и где могла бы иметь единение в духе и вере...

Народ всё редел, время было обеденное, и все спешили домой. Вскоре я уже одна подошла к большому зданию, фасад которого был изукрашен резной виноградной лозой. Это была чудесная архитектура шестнадцатого века¹. Что за линии, что за красота! В боковые двери входили и выходили послушники в белом, неся в вёдрах квас и ароматный чудесный монастырский чёрный хлеб. Что это может быть? – Для обыкновенной монашеской трапезы – слишком приподнятая заботливость прислуживающих. Как жаль, что я одна и некому мне всё показать и объяснить...

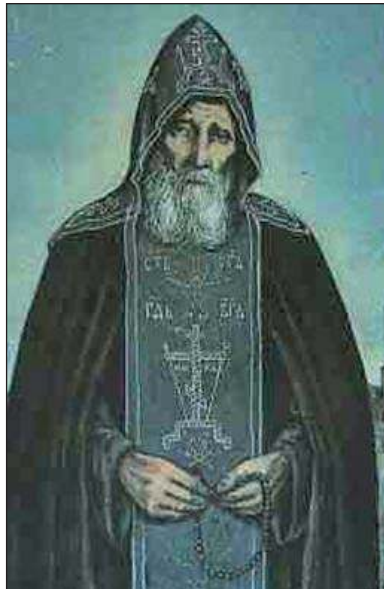
Старец Варсонофий

– Простите, сударыня, что я к Вам обратился, но Вы точно ищете что-то, а сами печальные. Не могу ли я Вам в чём-либо помочь? – послышался около меня голос.

Я повернула голову: близ меня стоял, как будто дожидаясь у крыльца, мужчина, видимо, из мещан, скорее небольшого роста, бесцветный, немолодой, скромно, но чисто одетый в старый кафтан. Тихое и очень доброе лицо его так и потянуло меня на откровенный ответ.

– Да вот, батюшка, в первый раз приехала я к Преподобному искать поддержки. Шесть лет тому назад было у меня большое горе, затем были и великие милости Божьи, а теперь земные хлопоты и заботы так держат в руках, что каменеет моё сердце...

¹ *Трапезная палата* с церковью прп. Сергия Радонежского (построена в 1686–1692) почитается одним из лучших образцов московского барокко. Это длинное (свыше 85 м) сооружение на высоком подклете, окружённом гульбищем. Стены Трапезной церкви исключительно богато и ярко украшены мастерами в конце XVIII в. С западной стороны к Трапезной церкви примыкает зал площадью 500 м², предназначенный для рождественных приемов.



*Схиархимандрит Зосима
(Минаев; в схиме Захария)*



*Схиархимандрит Варсонофий
(Плиханков)*



*Преподобный Макарий Оптинский
(Иванов)*

– А вот что, сударыня, я ведь когда в Москве живу, то к батюшке Зосиме¹ обращаюсь: тут в соседнем монастыре, не так далеко, он в затворе живёт и принимает лишь два дня в неделю. Он в схиме старчествуется², и Господь подаёт ему Свои милости. Я Вам укажу его, а затем сам пойду к нему под благословение; подходите за мной и Вы. Тут и скажете ему про своё дело, – душа же подскажет, – подходящ он Вам или нет.

Таким же образом укажу я Вам на батюшку Варсонофия³. Ох, уж хорош же он; сами потом увидите! – Это Оптинский старец и игумен скита⁴. Батюшка в тайной схиме; он – бывший полковник, и только по случаю стал монахом. Его сам батюшка Амвросий благословил старчествовать после себя. В Оптиной пустыни есть скит, в котором живут: в правой хибарке⁵ от святых

¹ *Схиархимандрит старец Зосима* (в схиме Захария; *Захарий Иванович Минаев*; 1850–1936; родители разбогатевшие крестьяне, бывшие крепостные Нарышкиных). Принял монашество по благословию преподобного Амвросия Оптинского. Духовник монахов и светских людей в Троице-Сергиевой Лавре. Обладал особой прозорливостью: сразу знал прошлое и будущее того, кто к нему обращался. До закрытия Троице-Сергиевой Лавры старец Зосима находился в ней и ушел последним. Жил в Москве у духовной дочери, и множество людей продолжало посещать его. Великую княгиню Елизавету Федоровну духовно поддерживали многие архиереи и старцы, среди них и старец Зосима. Похоронен на Введенском (немецком) кладбище в Москве. Из рассказов о нём: «трое чекистов ворвались в его келью и потребовали, чтобы он уходил вон из лавры, старец взял крест, осенил им своё жилище и, проведя крестом границу между собой и «гостями», спокойно произнёс: – Попробуйте-ка, осмелитесь перейти через эту черту, которой я как бы обвёл мою келью, попробуйте и тотчас вы упадёте мёртвыми. Ни один из вооружённых молодых людей не осмелился переступить за черту».

² *Схима* (др.-греч. σκῆμα образ) – высшая степень монашества, означающая полное отчуждение от мира. *Старчествовать* – осуществлять духовное руководство, наставничество над монахами обители и мирянами. Старцами были наиболее опытные в духовной жизни монахи, обладающие даром духовного рассуждения.

³ *Преподобный Варсонофий Оптинский* (*Плиханков Павел Иванович*; † 1913), схиархимандрит Оптиной пустыни. Родился в 1845 г. в Самаре. По благословию прп. Амвросия Оптинского оставил блестящую военную карьеру и в 1892 г. был зачислен в братство Иоанно-Предтеченского скита Оптиной пустыни. В 1900 г. пострижен в монахи, в 1902 г. рукоположен в иеродиакона, в 1903 г. в иеромонаха. В 1907 г. возведен в сан игумена и назначен настоятелем Оптинского скита. Обладал даром прозорливости, который особенно проявлялся в таинстве Исповеди. В 1910 г. по послушанию ездил на станцию Астапово для напутствия умиравшего Льва Толстого, но к писателю его не допустили. «Не допустили меня к Толстому, – вспоминал прп. Варсонофий, – молил врачей, родных, ничего не помогло... Хотя он и Лев был, но не смог разорвать кольцо той цепи, которую сковал его сатана».

⁴ *Скит* (греч. Σκήτη) уединенное жилище отшельника или нескольких отшельников, самостоятельное или структурно выделенное в монастыре. Название от Скитской пустыни— места первоначального распространения монашества (IV–VII вв.) в пустыне, находящийся в северо-западной части Египта, к югу от Александрии, где первым из отшельников был преподобный Макарий Египетский.

⁵ Определение С.А. Нилуса: ««Хибаркой» у Оптинских старцев, живущих в скиту, называется пристройка к их келье, отведенная для приема на совете женщин. Вход в эту пристройку – с наружной стороны скитской ограды. Внутри ограды вход женскому полу воспрещен».

ворот старец отец Иосиф¹, а в левой – старец отец Варсонофий. Вот этот самый здесь и находится. Доложу я Вам про него: велики даны ему милости на исповеди, и, если приведёт Господь, то много Вы от него будете утешены...

Только успела я в сердце своём взмолиться святому, как врата трапезной широко раскрылись, и удивительная картина предстала предо мною: впереди, окружённый старцами-монахами, шёл убелённый сединой сановитый отец архимандрит, настоятель Троице-Сергиевой Лавры², а за ним густой чёрной лентой лились лучшие силы нашего чёрного духовенства. Сколько чудных лиц и дивной старости, какая собрана красота и духовная мощь России! От этой удивительной картины оторвал меня голос моего Богом посланного руководителя:

– Не робейте, сударыня, вон тот высокий монах и есть отец Зосима – я пойду к нему, а Вы за мной пожалуйте.

«Так вот он самый, – думаю, – отец Зосима, старец и руководитель Великой Княгини Елисаветы Фёдоровны, о котором она мне так много говорила». «Нет, он не для меня», – сразу сказало мне сердце, а почему, и сама не знаю...

Однако мой советник кончил беседовать с отцом Зосимой и взором звал меня, поэтому я и подошла под благословение старца, тут же сказав, что ищу беседы с ним. Не спрашивая, кто я, батюшка Зосима пошёл со мною рядом по дороге и сразу стал отклонять беседу:

– Ведь Вы приезжая, а я еле успеваю принимать моих постоянных духовных чад. К тому же я провожу время в затворе и лишь два дня в неделю беседую с проходящими ко мне. Вам нужно уделить много времени, постарайтесь обратиться к кому-нибудь другому. Очень сожалею, но думаю, что мне будет трудно заняться вами.

Я почувствовала отпор и большую чуткость. Как я была рада! Я сейчас же простилась и стала приближаться опять к моему руководителю. Он беседовал с пожилым иеромонахом, лет семидесяти, сразу приковавшим к себе моё внимание. Милый мой знакомый в кафтане повернулся ко мне и шепнул:

– Это отец Варсонофий, дай Вам Бог счастья...

Старец благословил меня и ласково спросил, о чём я с ним хочу беседовать. Я вкратце рассказала ему, в чём нуждаюсь, и назвала себя. По лицу его пробежала улыбка:

– А как же, помню. Значит, об Вас я уже слышал от княгини Е.С. Захариной³, от матушки Вашего супруга. Ведь она была большая почитательница нашего незабываемого отца иеросхимонаха Амвросия – в Оптиной я её и видел, там с нею и познакомился. Рад с Вами побеседовать: милости прошу пожаловать ко мне в Духовную Академию – я там теперь и квартирую. Внизу скажете швейцару, что я просил Вас подождать в гостинной...

Дошла я, наконец, и до Академии. Швейцар провёл меня в приёмную, где и просил подождать. Я села в кресло, но дожидалась недолго..., своей быстрой молодой походкой вошёл батюшка. Я встала.

– Пожалуйста, садитесь сюда, – указал он мне на красный бархатный диван, – а я около Вас на кресло сяду. Расскажите мне всё, с чем Вы ехали сюда, всё, что у Вас на душе.

Я села и начала рассказывать. Батюшка опустил голову. Слова мои что-то не складывались вместе. Я чувствовала, что говорю не так и не то, что хочу; я досадовала на себя, продолжая говорить, и думала: «Вот пришёлся старец по духу, а я выразить, что хотела, не могу».

Батюшка вдруг поднял голову – точно тень и некоторое беспокойство прошли по его лицу и, вместе с тем, я чувствовала, что мои слова не доходят уже до его сердца. Он быстро встал.

– Пожалуйста, подойдите сюда и встаньте здесь.

Он указал мне на окно и поставил меня вплотную лицом к саду, а спиной к комнате, сам же стал с моей правой стороны и, наклонив голову, начал говорить, как бы на исповеди:

– Ведь Вы, дитя моё, рассказываете мне про бывшее несчастье Ваше и про все огорчения Ваши, а почему я вижу серые пятна на белой одежде души Вашей? Разве Вы не всё открываете на исповеди?

¹ Преподобный Иосиф Оптинский (Литовкин; † 1911), иеросхимонах, ученик и духовный преемник прп. Амвросия Оптинского.

² С 1904 по 1915 гг. наместником Троице-Сергиевой Лавры был архимандрит Товия (Цымбал).

³ Княгиня Анна Ивановна Лобанова-Ростовская (ур. Шаблыклина), супруга князя Николая Алексеевича Лобанова-Ростовского (1826-1887).



*Преподобный Иосиф
(Литовкин)*



*Преподобный Лев Оптинский
(Наголкин)*

– Мне кажется, что я всё говорила, что припоминала, – ответила я.

– Припомните хорошенько всё, что забыли Вы или даже утаили.

Я рылась в своей памяти, буквально ничего не припоминая в ней скрытого, да и жизнь моя мне казалась столь простой для исповеди... Кроме того – точно пелена застилала мне возможность припомнить что-либо забытое в ней.

– Так я напомню Вам, что Вы утаили на первой отроческой исповеди и далее на пути жизни вашей.

Погодно проходя всю мою жизнь; называя месяц и год, указывал мне батюшка все ошибки и прегрешения. Я всё время молчала. Помимо моей воли, потоки слёз лились из глаз моих.

– И всё, о чём сказал я, Вы считали за ничего не значащие промахи на жизненном пути Вашем, а потому даже не поняли, когда я спросил Вас о них, а вместе с тем, это то, что, накапливаясь в большом количестве, может принести смерть душе. Эта пыль греховная сушит душу и не пускает её расцветать в дальнейшую и лучшую духовную ступень. Завтра же найдите себе священника по духу, откройте ему всю душу Вашу и покайтесь в нераскаянных прегрешениях, начиная с младенческого возраста. Скажите о всём том, что я указал Вам: тогда обелится одежда Ваша для приёма Царя Вашего. Я рад буду видеть Вас у себя в Оптиной – благословляю непременно приехать ко мне. У меня, если Богу угодно, исповедайтесь ещё раз, а потом и причаститесь. Смотрите же, пока я жив, заповедываю это Вам: никому не рассказывайте про величайшую милость Божию, которую чрез меня грешного получили Вы от Господа Бога. Ему угодно было раскрыть мне, что сказать Вам на пользу души Вашей. Помните, что большею частью мы сами куём нашу жизнь – она есть следствие наших поступков – и потому со всею тщательностью разберитесь в них и очиститесь таинством Покаяния. Ещё раз повторяю Вам – благословляю приехать к нам в Оптину: Вы помолитесь у могилок наших старцев и увидите место, где они жили и поучали своих духовных детей, Вы узрите также наш благословенный скит.

На этом батюшка Варсонофий закончил свою речь, а я, вся в слезах, стала благодарить его и прощаться с ним. С радостной и ликующей душой, я, точно на крыльях, отправилась на вокзал. Всё во мне не только горело, но и пламенело...

Глава 5. Поездка в Оптину

К Оптиной

Приближалось бабье лето, и стояло чудное время. Воздух был свеж, дни яркие и солнечные, ночи слегка уже морозные.

Ранним утром, предвещавшим дивный день, мы приехали в Козельск и взяли извозчика. Через четверть часа, сделав не больше двух вёрст, мы подъехали к речке Жиздра, где была паромная переправа, и начинались уже Оптиные владения¹. Сердце забилось радостью...

Чудная панорама церквей и старинных белых монастырских стен с башнями встала перед нами на фоне векового леса. Вот мы уже у верхней гостиницы. Нас встречает седой отец гостиник², а послушник³ вносит вещи во второй этаж небольшого, но приветливого дома.

– Просим сюда, пожалуйста, матушки-сударыни, в эти два номерка. В одном отдыхать можете, а в другом вот и посидеть, и гостя принять можно. Не прикажете ли чаю с дороги?..

Оставшись одни, мы огляделись. Вторая комната-спальня имела по стенам две узкие деревянные койки, каждая с твёрдым и жёстким матрацем. Простыни и одеяла блистали чистотою, а в углу стоял табурет с тазом и кувшином. В окна глядели яркие, окрашенные осенью листья деревьев. Всё пахло свежестью и выглядело приветливо и симпатично...

Вскоре явился за нами послушник, и мы двинулись в путь. Сразу же перейдя дорогу, мы вошли в Святые ворота обители.

Вся местность внутри пустыни, по характеру своему, резко делится на две части. В первой, вымощенной белыми плитами, находятся собор, все храмы, кельи монашествующих, покои отца архимандрита, просвирня, кладбище и место постоянного упокоения блаженных старцев: Макария⁴, старцев Льва⁵ и Амвросия. Над их могилами поставлены совершенно одинаковые, небольшие, как бы часовенки...

Нилусы

Во второй части, утопающей в зелени, находятся: больница обители, пасека, фруктовый сад и каменный домик покойного епископа Феофана, автора многочисленных книг духовного содержания⁶. При этом домике в пять комнат был разбит небольшой сад. В этой усадьбе и жил Сергей

¹ Свято-Введенская Оптина пустынь была основана в конце XIV в. раскаявшимся разбойником по имени *Оптин* (в монастыре *Макарий*). В начале XIX в. в Оптиной пустыни было введено *старчество* – духовное руководство иноками, основанное на глубоком знании святоотеческих творений. *Оптинские старцы* стали главной святыней обители, вся Россия устремилась к ним за духовной поддержкой. Оптина пустынь стала крупнейшим просветительским центром русского Православия: здесь были собраны переводы *святоотеческой аскетической литературы* с греческого языка на славянский, выполненные прп. *старцем Паисием (Величковским)* и его учениками. Преподобные оптинские старцы начали кропотливую работу по подготовке их к изданию с необходимыми комментариями и пояснениями; также были выполнены переводы святоотеческих рукописей на русский язык.

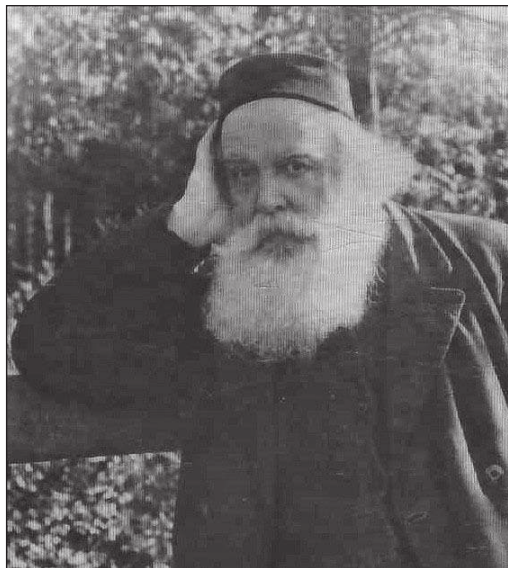
² *Гостиник* или *гостиничный* – послушание или должность (постоянное послушание), назначаемая монаху в монастыре, отвечающему за размещение и проживание гостей монастыря

³ *Послушник* – тот, кто готовится принять монашество, живет в монастыре, подчиняется игумену и в соответствии с монастырским уставом исполняет различные послушания.

⁴ Образ старца Зосимы в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского [*прим.* автора]. *Преподобный Макарий Оптинский (Михаил Николаевич Иванов; 1788–1860)*. Духовный ученик Льва Оптинского (см. ниже). Схимонах, руководил работой по подготовке к изданию святоотеческой литературы. Был известен исключительной кротостью и способностью изгонять бесов.

⁵ *Преподобный Лев Оптинский (Лев Данилович Наголкин; 1768–1841)*, первый Оптинский старец; обладал даром исцеления.

⁶ По рассказу самого Нилуса, он с женой поселился в домике, который построил и проживал в нем на покое один из известных оптинских постриженцев, впоследствии *архиепископ Виленский, архимандрит Ювеналий (Половцев)*. «До чего ж нам тогда полюбилось ювенальевское затишьё!» – писал Нилус (На берегу Божье реки. Т. 1). Автор книги здесь, видимо, ошибочно, но не случайно, упомянула святителя *Феофана, Затворника Вышенского* († 1894), который никогда не был в Оптиной пустыни, но состоял с оптинскими старцами в духовном общении. Подготовившая к изданию русский перевод «Добротолубия», святитель Феофан просил оптинских монахов о присылке ему рукописей прп. *Паисия Величковского*, что и было скоро исполнено. В свою очередь, творения епископа Феофана глубоко почитались оптинскими старцами. В келье прп. Амвросия находился портрет Вышенского Затворника; прп. *Варсонофий Оптинский* написал стихотворение на смерть святителя Феофана.



Сергей Александрович Нилус



Е.А. Нилус (ур. Озерова) и С.А. Нилус

Александрович Нилус с женой и дочками. Поблагодарив послушника, я сказала ему, что мы вернёмся в гостиницу уже сами, к часу дня.

На наш стук вышла прислуга, я просила доложить.

– Да что Вы, сударыни, войдите, пожалуйста, и так – прямо в гостиную. Елена Александровна и Сергей Александрович вот как обрадуются...

На наши голоса вышел нам навстречу сам хозяин, лицо которого выражало ласку и привет. После первого знакомства он сейчас же повёл нас внутрь дома.

– Лена, Леночка, где ты? – Дорогих гостей веду к тебе!

Вскоре вышла Елена Александровна, как оказалось, хлопотавшая поместить у себя жену учителя с тремя малолетними детьми; последняя тоже приехала погостить в Оптину.

Таня рада была встретить свою старую знакомую по Петербургу, по выездам и по Двору. Затем пошло знакомство со мною, уже представлявшую, по возрасту, следующее поколение. Как сразу, безо всяких условностей, близко, тепло, сердечно подошли мы друг к другу. Но что за прелесть была эта супружеская пара! Сергей Александрович – высокий, статный, с совершенно седой головой, но огненными ещё глазами, точно сошёл с полотна Маковского¹; он воплощал тип старого красавца-боярина. Шарм и прелесть Елены Александровны дополняли образ её мужа. Он, с его дивным русским языком, был точно представителем Москвы, а она – представительницей Петербурга, но без условностей и холода столицы. Елена Александровна была образцом утончённой светской воспитанности и образованности, что дополнялось простотой и чуткостью, преданностью и добротой русской женщины.

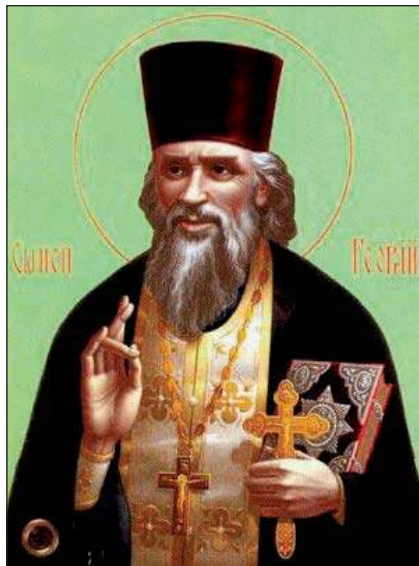
Удивительно симпатично убрали они своё жилище! Все стены гостиной были покрыты множеством фотографий, картинами – работы их обоих, писанные масляными красками² – Оптина и её скит так живо и ярко выступали кругом! Всё было согрето наличием прекрасных образов с горящими лампадами. Сам домик хоть был и невелик, но обладал способностью вбирать в себя много народа, постоянно и временно проживавшего у гостеприимных хозяев: одни нуждались в подготовке для решимости начать новую жизнь и пойти к старцу; другие не находили места в гостинице из-за наплыва молящихся, наконец, третьи – являлись просто близкими по духу людьми.

¹ *Константин Егорович Маковский* (1839–1915) живописец, портретист и автор исторических картин, один из ранних участников товарищества передвижников.

² По свидетельству воспитанницы Елены Александровны, ее двоюродной племянницы Е.Ю. Карцовой (в замужестве Концевич), Елена Александровна с молодости владела техникой рисования, и благодаря ей выявился художественный талант С.А. Нилуса, она научила мужа обращаться с красками, и «тут сразу же появились на свет прекрасные этюды, которые жили и дышали. В них чувствовалась перспектива, они передавали простор полей, воздух, солнечный свет. Таким образом, будучи врожденным музыкантом, он оказался еще и художником» (*Е.Ю. Концевич. Сергей Александрович Нилус. Краткое жизнеописание*).



Схигуменья София
(София Евгеньевна Гринёва)



Георгий Алексеевич Коссов
(известен как Егор Чекряковский)



Александр Петрович
Озеров

Сергей Александрович и Елена Александровна черпали силы вести такую жизнь только в молитве. Около своей спальни они устроили крошечную молельню. Здесь, в этой «святой святых» их дома, изливались все мысли и чувства дорогих супругов в их совместных молениях. Никогда в жизни не забыть мне лика Спасителя в золотой старинной ризе. Этот «Нерукотворный Спас» принадлежал ещё деду Сергея Александровича. Я не могла оторвать восхищённого взора от этого образа, считавшегося чудотворным: благие, проникновенные и живые глаза следили за вами, они точно просили и уговаривали стать лучше, они проникали в малейшую мысль, они ласкали и прощали за покаянное чувство.

Таня и Елена Александровна, усевшись на диван, оживлённо беседовали, вспоминая родных и знакомых, рассказывая о прошедшей вдали друг от друга жизни, её радостях и печалях. Я же поведала Сергею Александровичу о моих первых шагах в духовной жизни, о моём незабвенном мальчике, о горе, перенесённом пять лет назад, и глаза моего слушателя наполнились слезами сочувствия. Рассказала я и о дорогой Маше¹, которую оба они хорошо знали, так как гостили у матушки Софии² – настоятельницы её монастыря.

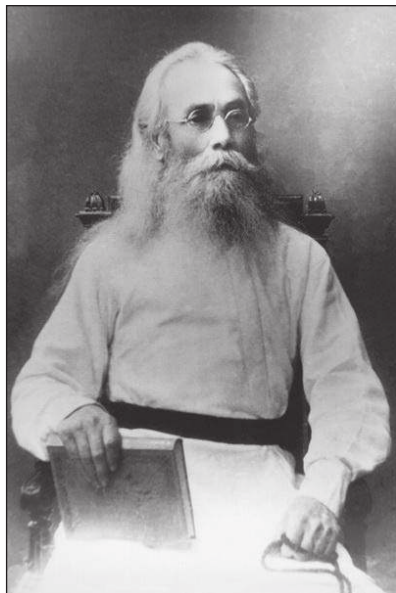
Затем я сообщила моему собеседнику, как впервые, восхищённая его книгою «Великое в малом», я решила непременно с ним познакомиться; как, прочтя его повествование «Егор Чекряковский», я ездила с Машею и старшей дочерью Ксенией к этому подвижнику³ и как рада теперь встретиться с Сергеем Александровичем.

В свою очередь и он рассказал мне историю своей жизни: хозяин дома принадлежал к семье помещика из Орловской губернии, учился в Московском университете, молодые годы свои провёл скорее рассеянно и шумно, но затем был очевидцем чудес. Прикосновение благодати изменило его жизнь. Он стал задыхаться в условиях прежнего времяпрепровождения и, в поисках новой жизни, уже к сорока годам, встретил подходящую себе по возрасту Елену Александровну Озерову, которая

¹ *Маша* горничная княгини, духовно близкий ей человек, позже монахиня Дугиненской обители.

² В миру Гринёвой [прим. автора]. *Схигуменья София* (София Евгеньевна Гринёва; 1873–1941). С юных лет посещала Оптиную пустынь; под ее духовным руководством основала *Дугиненскую обитель* в честь иконы Божией Матери «Отрада и Утешение», в 45 километрах от Калуги, при впадении реки Дугны в Окуи. В 1913 г. настоятельница Киевского Покровского монастыря. Большевики арестовывали ее четыре раза; ссылали. В 1981 г. была причислена к лику Новомучеников и Исповедников Российских, прославленных Русской Православной Церковью Заграницей. В 1989 г. была посмертно реабилитирована. В 2012 г. была причислена к лику местночтимых святых исповедников Киевской епархии (решением Священного Синода Украинской Православной Церкви).

³ Духовный наследник преподобного Амвросия Оптинского, протоиерей *Георгий Алексеевич Коссов* (известный как *Егор Чекряковский*; 1855 — 1928) служил в сельской церкви Спас-Чекряк близ города Болхов Орловской губернии. При жизни его почитали как старца. В 2000 г. канонизирован в лике святых как *исповедник* – то есть тех, кто открыто исповедовал христианскую веру во время гонений.



Преподобный
Варсофий Оптинский
(Плиханков)

в то время стояла во главе отдела Красного Креста, находившегося под ведением Императрицы Александры Фёдоровны¹.

Покойный отец Елены Александровны был посланником, а впоследствии секретарём Государыни Императрицы Марии Александровны², после него осталась значительная пенсия в пользу единственной незамужней дочери, именно Елены Александровны. Большую часть этой пенсии она отдавала семье покойного брата, а также и слугам отца, пробывшим в доме до его смерти. Сама же Елена Александровна жила крайне скромно на меньшую и уже незначительную часть этих денег.

Полюбив друг друга, Сергей Александрович и она решили пожениться, но пред ними, как стена, стало грозное препятствие – потеря пенсии, а с ней рисовалось несчастье семьи покойного брата и престарелых слуг. Тогда, скрепя сердце, жених и невеста попрощались и расстались – наступило тяжёлое для них время.

Между тем, Императрица Александра Фёдоровна стала примечать печаль Елены Александровны и, наконец, добилась признания: долго молчавшая о тайне своего чувства, Елена Александровна вдруг высказалась. Тогда Государыня стала просить своего Августейшего Супруга помочь беде, а Государь приказал финансировать пенсию в полном её размере за счёт кабинета Его

Величества. Таким образом, замужество не могло больше влиять на прекращение выдачи пенсии, а причина, мешавшая счастью Сергея Александровича и Елены Александровны, была устранена трогательной добротой Царя и Царицы³...

Поженившись, супруги устроили жизнь соответственно своему настроению, и, живя в Оптиной, они продолжали благодарить Господа Бога за дивное промыслительное Его попечение об их судьбе.

– Я так счастлив, что теперь дорогая Леночка ведёт нас всех за собою на верёвочке, – закончил Сергей Александрович, с любовью глядя на свою жену.

Можно было учиться и радоваться, глядя на истинно христианский брак и счастье этих, уже немолодых, супругов.

– Леночка, ведь, не правда ли Татьяна Михайловна и княгинюшка с нами откушают?

– Нет, Серёжа, никак нельзя! Мы это с Таней уже обсуждали: ведь милый отец гостиник готовит к обеду, и потому это будет неудобно. Вот пожалуйста к нам в три часа, – обратилась она к нам, – тогда пойдём к отцу Варсофию в скит⁴ – только надо теперь же его об этом уведомить.

Старец Варсофий

– Присядьте, пожалуйста, княгиня, и расскажите мне о Вашем деле.

Дорогой батюшка сел на кресло и указал мне на скамью вдоль стены...

– А Вас, дорогое дитя моё, прошу пожаловать на исповедь ко мне завтра к четырём часам. Я соберу вас всех теперь прибывших, около восьми духовных дочерей моих, вот здесь, у меня в молельной, на

¹ Елена Александровна Нилус (ур. Озерова; 1849–1906) фрейлина императрицы Александры Фёдоровны, председатель общества Красного Креста в Царском селе; заведующая благотворительными учреждениями императрицы Александры Фёдоровны. В 1906 г. выйдя замуж, по традиции лишилась должности фрейлины и положения при дворе.

² Александр Петрович Озеров (1817–1900), русский дипломат, посол в Греции (1857–1861) и Швейцарии (1861–1869). С 1869 г. шталмейстер при Великой княжне Марии Александровне, дочери Императора Александра II, шталмейстер Высочайшего Двора (1874), обер-гофмейстер (1880), состоял при Императрице Марии Александровне до ее смерти в 1880 г.

³ Брак Нилусов вызвал осуждение в высшем светском петербургском обществе (Елена Александровна была старше мужа, у Сергея Александровича был внебрачный сын). Только благодаря заботе Императрицы Александры Фёдоровны этот брак смог состояться. Кроме того, супружество Нилусов было освящено благословением св. прав. Иоанна Кронштадтского.

⁴ Иоанно-Предтеченский скит Оптиной пустыни был устроен в 1821 г. Именно здесь зародилось оптинское старчество. Первым старцем стал прп. Лев (Наголкин). Отец Варсофий (Плиханков) в 1907 г. был возведен в сан игумена и назначен настоятелем Оптинского скита.

общую исповедь, а потом побеседую с каждой отдельно. Да благословит Вас Господь, что печётесь о других; этим Вы смоете много и своих прегрешений. Сокровища земные хоронятся, сокровища же небесные расточаются в радости и счастии. Путь ко дворцу царя земного строго охраняется, а путь к обителям Царя Небесного ни для кого не возбраняется, и каждый, видящий его, в радости указывает на него другому, но видят этот путь, к сожалению, очень немногие. В этом и всё различие людей между собою. *Будьте благи, как голубь, и мудры, как змей*¹ – не расточайте только личных сокровищ из богатства милости Божьей; их открывайте лишь духовному отцу, да испытанному другу-сотайнику. А общее сокровище – наше горение, нашу любовь к Богу и людям, нашу веру – это можно расточать и этим надо зажигать сердца людей. Каждый из нас должен в мудрости старчествовать для младшего, но в строгой границе того, что ему доступно. Благословляю Вас помогать всегда и всюду каждому, чем можете. Никогда не отказывайте бедному: отказ голодному ложится величайшим грехом на душу сытого. Если действительно нечем помочь, то на просьбу ответьте поклоном – эта ласка помешает душе несчастного ожесточиться. Благословляю Вас провести время с духовными детьми моими Еленой Александровной и Сергеем Александровичем. Они хорошие люди и выбрали путь праведный, потому, хоть и находятся в супружестве, но отец архимандрит, игумен Оптинский², благословил их жить в монастырской ограде. Итак, грядите с миром.



*Схиархимандрит Ксенофонт
(Клюкин)*

Отец Варсонофий, каждое слово которого я своевременно записала и запомнила на всю жизнь, благословил меня ещё раз и вышел со мною вместе...

Мне показалось, что прошло около часа. В дверях показалась Вера, но что это с ней? Всё лицо светится внутренним счастьем, хотя глаза заплаканы. Прорвалось затаённое горе и унесло грех, как пену, и несётся поток весенних вод души, полный радостных надежд. Помолодело и омылось сердце. Батюшка вызвал Таню, а затем Вера подсела ко мне.

– Я не знаю, как благодарить тебя. Уж, значит, батюшка велик, если сумел вырвать с корнем всю мою скорбь. Теперь, я чувствую, что после завтрашней исповеди и причастия я смогу думать о детях и смотреть им и всему миру в глаза, а тоска угрызений уже не подступает к сердцу, я полна надежд... До чего прозорлив батюшка! Он расспрашивал меня о моей жизни и сам напоминал по годам всё, что я не высказала и на что не обратила внимания. Затем он растолковал мне многое, во что я раньше не вдумывалась. Он мне сказал: «Вы выходили замуж в молодые годы, не понимая, что замужество есть один из видов несения жизненного креста. Находящаяся в браке уже ведаёт спасением не себя одной, но и мужа, и семьи своей. Складываются вместе два неровных камня и постоянным трением они должны отшлифоваться. Сколько должно быть терпения и упорства, чтобы этого достичь.

Вы не поняли, что несовершенство Вашего покойного мужа было то, что составляло, именно, возложенный на Вас крест, который надо было нести безропотно, тем более, что внешняя Ваша жизнь сложилась очень счастливо. Вы никогда не тянулись за помощью к Господу и никогда не просили Его научить Вас быть лучшей женой. Посланный Вам брак был легчайший путь к небу – Вы его не узрели. Тогда Господь попустил более тяжкий – Вы овдовели и согрешили, а страдания и стыд вызвали в Вашей душе смирение; за смирение и страдание Бог послал утешение и помощь. Таким образом, цель всего этого была привести Вас к любви Божией, памятованию о Нём, и к жизни, не по одному только имени христианской. Ведь когда раньше Вы сталкивались с верующими людьми, то, ведя весёлый и рассеянный образ жизни, Вы не обращали даже внимания на них... Итак, завтра, когда будете готовиться к исповеди, вспомните все согрешения Ваши со дней отрочества до сего дня и, лучше даже, запишите себе их. После этого, за обедней, Вы омоетесь от прегрешений Ваших через кровь и тело Господа Нашего. Новая жизнь откроется для Вас тогда. Но не забывайте милости Божьей, поданной Вам, и запомните, что чрез десять лет после Вашего греха будет у Вас новое искушение – смотрите, не впадите опять в напасть: держитесь и крепитесь...

¹ Ср.: Мф. 10, 16.

² Схиархимандрит Ксенофонт (Клюкин; 1845–1914), настоятель Оптиной пустыни в 1899–1914 гг.

– Вот видите, – сказал Сергей Александрович, – какие люди и с каким настроением приезжают сюда в Оптину. Вы понимаете теперь, как мы счастливы, когда, освящённые благодатью, выявляются лучшие стороны душ человеческих, с которыми мы здесь встречаемся, и как мы скорбим, представляя себе гибель в заблуждениях тысяч русских людей, не желающих излечить свои исковерканные души в этих дивных санаториях. Эта мощь и красота русской жизни знакомы городскому жителю мещанину, отчасти купечеству, очень много крестьянству и почти незнакомы интеллигенту. Каково старцам знать о надвигающемся наказании России и видеть близкую пропасть, куда с остервенением её неминуемо тянут!

Ещё преподобный Серафим начал об этом говорить, и целая плеяда старцев это повторяет, углубляет и подробно предвещает, а они всё продолжают толкать родину на погибель. Что жизнь частного лица, что государства – всё едино: ошибки, промахи, прегрешения вызывают увещевания, если его не послушают – следует начальное наказание, а это не подействует, – Господь попускает сатану отчасти показать свою силу. *Отец лжи*¹ приступает к своей известной всем работе: соблазнять и ввергать в позор. Море крови, стоны и стыд, ломка и крушение сопровождают его шествие. В частной жизни это кончается обыкновенно смирением и обращением, а в государственном масштабе процесс длительнее и потому болезненнее; но ведь Господу нужны сердца людей, а не искусство их и культура, особенно, если она служит сатане. Твержу и твержу я об этом в моих книгах, а всё, кажется, напрасно... – с горечью добавил Сергей Александрович.

– Серёжа, почитай нам что-нибудь из твоего дневника, – попросила двоюродная сестра хозяина дома. Мы все присоединились к ней и перешли в гостиную. Я редко проводила вечер интереснее: Сергей Александрович большой мастер пера – ведь красота его слога действует на всех чарующе, но к этому надо прибавить ещё и глубокое чувство, и убедительность патриота, и непоколебимую веру в правильность изложенных мыслей, что иначе и не могло быть при постоянном исповедании их у старца. Перечитывая его книги теперь, мы видим, насколько в личных предчувствиях он был чуток и прав. В своём дневнике Сергей Александрович рассказывал ещё непосредственнее и ярче о всех тех встречах и событиях из его собственной и из общерусской жизни, которые неминуемо предвещали надвигающийся ураган. Многие случаи, проходившие почти незаметно среди обычных житейских переживаний, в его разъяснении и освещении получали такую яркость и силу, что вразумляли своей убедительностью...

Перед исповедью: напутственное слово старца Варсонофия

В таком настроении мы просидели до трёх часов – пора была уже и расстаться. Мы вернулись в гостиницу, посидели, собрались с мыслями и пошли в скит к старцу. Вера была уже там, но не подавала вида, что заметила нас. В четыре часа вышел к нам драгоценный батюшка и, кроме Тани, меня и Веры, вызвал ещё несколько женщин, повёл нас всех к себе в молельню и обратился к нам со следующими словами:

– Дорогие дети мои, вы приступаете к великому Таинству Покаяния, а завтра, если Богу угодно, вы удостоитесь приступить к Таинству таинств, то есть к приобщению Святых Крови и Тела Господних. Хотя это будет и не в первый раз, конечно, в вашей жизни, но, тем не менее, хочу напомнить вам о превеликой действенной силе сего Таинства. Люди погибли от неповиновения Творцу, они же спасаются исполнением воли Божьей. А воля Божья состоит в том, чтобы мы, во исцеление душ и телес наших, со страхом и трепетом приобщались Его Святых Таин. Действие же их в нас заключается в следующем: Иисус Христос, Господь и Спаситель наш, отдал Себя на распятие ради спасения нас, то есть, ради любви Своей к нам. Эту-то любовь мы и воспринимаем в себя, если с верою приобщаемся Тела и Крови Господних. А любовь к Богу родит в нас любовь к ближнему и все добродетели: ради любви Божьей мы становимся смиренны, кротки, благи, милосердны, нессорливы, терпеливы, целомудренны, нестяжательны, усердны, прилежны, покорливы и щедры.

Войти и поселиться в нас Господь может лишь, когда всё в нашей душе убрано и выметено. Если силы материального мира в умелых и знающих руках работают на пользу человека, например: пар и электричество, а в несведущих и в неловких – могут калечить и убивать, то, тем более, страшно при-

¹ Ин. 8, 44.

ступать без подготовки и знаний к силам высшего порядка. Если законы материального мира точны, то каковы же должны они быть в мире недостижимой для человеческого ума высоты?

Иной раз людей постигают непонятные болезни, скорби и напасти. В таких случаях необходимо вспомнить прежде всего – не приступил ли кто к страшному и дивному Таинству Господнему без очищения сердца и без отрезвления ума. Я надеюсь, – вы поняли глубокую неразрывную связь между Таинствами Покаяния и Приобщения, и крепчайшую силу законов невидимого нашим глазом мира, а потому приступим к убранству нашей храмины для встречи Царя и Бога нашего. Помните, что вы должны стать детьми по искренности и вере, чтобы покаяние ваше было принято. Станьте на колени и, когда я буду читать покаянную молитву, вспомните все согрешения ваши и со слезами молитесь Господу простить содеянное вами и укрепить вас на добрый путь.

Мы опустили на колени, а батюшка взял большой лист бумаги, на котором была напечатана им самим составленная молитва, и начал читать медленно и проникновенно. Я ничего подобного никогда не слышала: что за мощь, что за сила, что за знание души человеческой! Кажется, ни одна тайная складка её не была забыта. Всё понимал, до всего касался старец, хотя молитва была такова, что и юноше и взрослому она могла быть прочитана, – и тому, и другому была бы лишь на пользу...

Глава 6. Поездка в Швейцарию и возвращение домой

В дороге

Костя¹ продолжительно болел хронической ангиной и в конце 1912 года уехал в Швейцарию. Не желая оставлять его одного, я решила вместе с семьёй чрез полгода приехать к нему. Мы ещё ни разу не ездили за границу таким караваном. Костя писал о необходимости взять своих русских людей. С бонною и детьми нас собралось десять человек. Провожая нас за границу, восьмого мая 1913 года, на Варшавском вокзале, Саша² мне сказал:

– Помни, мама, что я тебе говорил и продолжаю говорить: политическое положение неустойчиво. Я чувствую совершенно определённо, что Европа идёт к войне – из общего настроения другого исхода я не предвижу. Таким образом, тебе придётся возвращаться или Северным морем на Архангельск, или Средиземным на Одессу. Помни, что я тебе сказал и не пугайся, когда это настанет.

– Что это ты, моя деточка, как можно такими сказками меня пугать!

Саша конфузливо улыбнулся, но не противоречил.

– Потом увидишь, мама.

И он занялся нашим многочисленным багажом. Действительно, было чем заняться.

Тем временем ко мне подошел наш управляющий, чтобы нам помочь и передать письма для Кости. Пока я прятала всё им привезённое, подошёл Саша и, смеясь, сказал:

– Нет, мама, пойди рассуди сама, такой кунсткамеры я ещё не видывал!

Я с ним отправилась в другой конец вокзала и застала там следующую картину: стоит Феня, очень подходящим образом одетая, и в скромной шляпе, рядом с нею Аннушка – вся в тёмном, полная, степенная, с видом скитницы на богомолье, держит на ремне рыжего таксика (собачку) Пепочку, затем Филипп, наш кухонный мужик, тоже чисто и, как всегда, аккуратно одетый, но с огромным металлическим чайником в руках.

– Мама, посмотри, да можно ли так по Европе путешествовать?

– Да помилуйте, Ваше Сиятельство – вступилась Аннушка, – возможно ли без чайника ехать? Ведь эдак и без питья всю дорогу останемся! У них, у нехристей, небось, и вода никогда белым ключом не кипела. На границе своей хоть нальём, да в последний раз чаю и попьём. Ох, из чего это такая беда приключилась!

Аннушка была нервно настроена и не в духе.

– Мама, тебе это нравится? А взгляни-ка на сундук!

– Помилуйте, Ваше Сиятельство, – взмолился тут Филипп, солдат-семёновец, – да чем же он плох? Сундук – как сундук; да иначе нешто возможно? – Басурманы растрясут! – и он с любовью глядел на свою кованную солдатскую укладку.

¹ Князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, муж автора романа.

² Князь Николай Иванович Лобанов-Ростовский, старший сын Веры Дмитриевны и Ивана Николаевича.



*Дмитрий (в романе «Кирилл»
и Яков Лобанов-Ростовский, Женева, 1914.*

Я знаю – тебя раздражает, как ты считаешь, некультурный, слишком русский их вид за границей, а меня именно это и умиляет, и искоренить это в них мне больно...

Фейерверки в Швейцарии и предчувствие разрывающихся снарядов

К этому вечеру готовилась какая-то итальянская новинка пиротехники, и Никита был тоже среди учеников пансиона, интересовавшихся всем этим и занявших места на эстраде. Я рада была пойти туда, где был и мой мальчик, и мы с немкой поместились от них шагах в пятнадцати, под деревом. Вдруг я почувствовала какое-то безотчетное беспокойство.

– Знаете ли что, фрейлин Эмма, это место мне не нравится, перейдемте туда вон – хотите? – и я указала ей на незанятую скамью в тридцати шагах от нас.

– Конечно, сейчас помогу Вам. И там, я думаю, будет видно.

Я чувствовала, что милой молодой девушке всё же жаль было покидать хорошее место, но она немедленно, кротко послушалась и помогла перенести стулья. Я же спешила уйти от чего-то, что меня беспокоило. Фейерверк начался. Как всегда, изумительный. Перешли к фигурам: лился какой-то волшебный фонтан, светился какой-то огненный корабль, какой-то гигантский букет бросал все тени радуги от своих цветов. Вдруг, точно дугообразная молния сверкнула над эстрадой и прямо упала к месту под деревом. Через мгновение послышались зловещие слова: «tuée, tuée sur place»²... Мы подошли к месту происшествия – на полу лежала молоденькая девушка, и тут же, в луже крови, её отрезанная голова. Публика в ужасе ринулась по аллеям к выходу.

Я бросилась искать Никиту, но на эстраде уже никого не было, а отыскать ночью, среди толпы, кого-либо в огромном парке очень трудно. Публика на разные голоса рассказывала друг другу причины происшествия: один из вертящихся дисков был плохо закреплен, или от жары раскалилось место его скрепа, но только он оторвался и на пути полёта срезал явившееся ему препятствие.

Громкий протест печати и публики последовал за роковым происшествием, но плачущим родителям он не мог вернуть их семнадцатилетнюю дочь.

Над головой моего Никиты пролетел раскаленный добела диск, но не тогда суждено было Господом разлучить его с нами...

¹ Мама, ведь это очень тяжело (фр.) [прим. автора]

² Убили, убили на месте (фр.) [прим. автора]. Точнее: убита, убита...

Жак-Далькроз и его пластические инновации

Гвоздём празднеств был Далькрозовский¹ спектакль, устроенный в специально выстроенном здании на берегу Lac Lemан. Фоном сцены в последнем действии было озеро и Монблан, и, когда по действительной воде, в историческом баркасе и в действительных тогдашних костюмах въезжали внуки и правнуки освободителей города, то мы, зная артистов, их семьи лично, следили за представлением с удвоенным вниманием. Но надо сказать, что и без этого спектакль представлял выдающийся интерес.

Нарочито построенный временный деревянный театр вмещал пять тысяч зрителей, присутствовавших или на утреннем, или на послеобеденном представлении, передававшем всю историю Женевы, начиная с кельтов и гельветов и кончая её освобождением в 1814 году.

Балет в триста человек, одетый в цвета теней, изображал массовыми телодвижениями, бегом и танцами исторические события, которые затем, в главных своих моментах, показывались в живых картинах. Последние появлялись в раме, на фоне сцены, и служили как бы иллюстрацией к танцам.

Кроме того, певцы и певицы, одетые по-концертному, пели из оркестра и дополняли впечатление, рассказывая всё о том же событии.

Это чередовалось с драматическими представлениями, тоже изображавшими наиболее интересные сцены из истории Женевы.

Всё кончалось открывающейся картиной на озеро. На фоне сцены раздвигался гигантский занавес, отделявший её и зрительный зал от самой воды, гор и неба, а по озеру действительно подходил баркас с освободителями. Эффект от всего этого был чрезвычайный!

Последний праздничный день закончился с *feux de joie monstre*².

Публики и, главным образом, наехавших иностранцев было так много, что были устроены зрительные места и на крышах примыкавших зданий. Да и действительно, это зрелище на воде было несравненно! Дети так хотели насладиться всем этим, что я не могла им отказать в удовольствии пойти с ними.

Итальянцы великие мастера пиротехники, они превзошли себя в этот вечер. Ракеты пускались по сотне штук сразу, причём они минут пять держались в воздухе. Казалось, что в необозримой выси лопались точно шары различных цветов, а из них вылетали роем, например, зелёные жуки и, полетав, лопались и превращались в голубые ленты, последние, в свою очередь, преобразовывались в золотые звёзды, которые скоро менялись в серебряный дождь, уже лившийся в озеро. Все это, изменяясь в цвете и в изображениях, неоднократно повторялось с неизменным рёвом будто падавших снарядов.

Нам казалось, что это грохот войны, а не фейерверк, настолько неимоверный гул и запах пороха дополнял картину. Земля тряслась от такого столпотворения, а фигурный фейерверк на воде превосходил всякое воображение. Дышать становилось трудно, и мне лично было очень тяжело на всё это смотреть. Мучилась ли душа от предчувствия звуков, которые так много и долго ей придётся слушать впоследствии, или вспомнилось несчастье во время фейерверка, которого я была свидетельницей, не знаю, но только я была очень рада вернуться домой. Нервы были так напряжены, что долго я не могла заснуть...



Жак-Эмиль Далькроз

¹ Эмиль Жак-Далькроз (1865–1950), швейцарский композитор, чья пластическая школа «ритмической гимнастики» получила большое распространение в России в 1910–1920 гг. Новаторские достижения Далькроза утвердил и применил в своих сочинениях и практических курсах князь С.М. Волконский, сумев передать ее принципы и навыки, в частности, воспитанникам Московского Художественного театра. И после революции методы Далькроза продолжали развиваться в русском пластическом искусстве.

² Грандиозная иллюминация (*фр.*) [*прим.* автора]

«Вверх дном»

Наконец наступил тревожный июль 1914 года, завершившийся объявлением войны¹. Жизнь и её условия сразу же, как будто перевернулись вверх дном. Все были ошеломлены и не могли прийти в себя. Каждый считал долгом высказывать свои предположения и делать заключения, одно фантастичнее другого, но все одинаково сходились на том убеждении, что наступившая трагедия не может протянуться более двух месяцев.

Я же знала иное: с объявлением войны я испытала момент, правда, несравненно менее болезненный, но, тем не менее, тождественный по духу с тем, который пережила пятого октября 1903 года. Точно также что-то сильное толкнуло меня в голову, а внутренний голос сказал: вот твой сон. И поняла я, что мир увидит кровавую реку от края до края неба: «Еже согреших во дни сем». Конечно, эта река дана нам на лицезрение не на два месяца, а на длительные и страшные годы.

«Жребий Никиты брошен...»

С началом войны Никита стал стремиться в Россию.

– Я перешёл в шестой класс, – говорил он, – и мне в сентябре будет шестнадцать лет; через два года мы перейдём в специальные классы. По всей вероятности, будет ускоренный выпуск офицеров, и тогда, восемнадцати лет, я приму уже участие в войне. Мама, очень прошу тебя исполнить мою просьбу – не удерживай меня и не бойся за меня. Мне так хотелось бы вернуться в корпус к началу занятий и поехать чрез Марсель морем на Одессу, пока это ещё возможно. Поговори с папа, убеди его – он боится меня отпустить одного.

Было немыслимо удерживать сына и гасить его патриотический порыв. После некоторого колебания мы с Костею решили отпустить его, тем более, что, хотя мы и думали вернуться в Россию, но выехать всем домом не могли так быстро. Никита стал хлопотать о визах и о своих билетах. Он проявил всю свою толковость, ловкость и энергию, а ведь в то время это ещё был совершенный мальчик. Он развезжал по целым дням по жаре на велосипеде, и, наконец, добился всего, что было нужно.

Пятнадцатого августа мы уже провожали его на вокзале. Всё, казалось, уже переменялось: подали какие-то ужасные стародавние вагоны, куда рекою вливалась разношёрстная публика, а суматоха была такая, что ясно свидетельствовала о том, что необыкновенное происшествие перевернуло весь мир. Моё же неугомонное сердце всё твердило: «жребий Никиты брошен, свершилось неминуемое».

¹ 19 июля (1 августа н. ст.) 1914 г. Германия объявила войну России. 26 июля (8 августа) Австро-Венгрия объявила войну России. 2/15 августа 1914 г. Император Николай II в Георгиевском зале Зимнего дворца зачитал манифест об объявлении войны с Германией.